

УДК 94(47).073.5

ОФИЦЕРСКИЙ КОРПУС ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА В ОБОРОНЕ СЕВАСТОПОЛЯ 1854–1855 ГГ.

Ляшук П. М.

Национальный музей героической обороны и освобождения Севастополя

«...На нас лежит честь защиты Севастополя, защиты родного нам флота. Будем драться до последнего. Отступать нам некуда: сзади нас – море. Всем начальникам я запрещаю бить отбой; барабанички должны забыть этот бой. Если кто из начальников прикажет бить отбой, заколите такого начальника... Товарищи! Если бы я приказал ударить отбой, не слушайте, и тот подлец будет из нас, кто не убьет меня...»

вице-адмирал В. А. Корнилов,
начальник штаба Черноморского флота
и гарнизона Севастополя в 1854 г.

Ранним утром 9 сентября (28 августа) 1855 г. последние части гарнизона Севастополя покинули горящие развалины некогда цветущего города. Многие из оставшихся живых защитников плакали – все жертвы, принесенные на алтарь Отечества, казались напрасными. Десятки тысяч могил погибших, умерших от ран и болезней, разрушенный и залитый кровью Севастополь, затопленный Черноморский флот, разоренная войной Южная Россия... Крымскую войну Империя проиграла...

349-дневная оборона Севастополя стала одной из наиболее трагических и вместе с тем блестящих страниц в 222-летней истории Черноморского флота. Трагичной, поскольку флот потерял при защите своей главной базы 90% судового состава и не менее 30% личного. Блестящей, ибо героизм моряков-черноморцев стал для русского человека символом самопожертвования, бесстрашия и мужества. Именно во время Крымской войны Севастополь стал известен всему миру как город Российской морской славы.

Личный состав Черноморского флота сыграл ведущую роль в подготовке города к обороне, будучи основной рабочей силой при строительстве укреплений и вооружении их морскими орудиями.

Флот дал гарнизону Севастополя выдающихся организаторов обороны крепости, которые своей энергией и личным примером способствовали продлению защиты города. Среди наиболее известных имена адмиралов В. А. Корнилова, П. С. Нахимова, Ф. М. Новосильского, В. И. Истомина, А. И. Панфилова...

Из 18 000 моряков, служивших в 17 флотских экипажах на судах Черноморского флота, на берег сошло не менее 14000. Они вместе с 7 000 личного состава береговых команд Морского ведомства до марта 1855 г. составляли всю артиллерийскую прислугу при орудиях оборонительной линии, а также защищали укрепления в стрелковых батальонах, участвовали в саперных и других работах.

На протяжении осады Севастополя 1854–1855 гг. бастионами, редутами и люнетами оборонительной линии командовали исключительно флотские строевые офицеры. Им же принадлежит приоритет в командовании артиллерией на дистанциях и самими дистанциями. Линейные офицеры и офицеры корпусов Морского ведомства, рабочих и ластовых экипажей, портовых и арестантских рот командовали почти всеми батареями на оборонительной линии, руководили вылазками на позиции неприятеля, траншейными караулами и аванпостами.

Таким образом, длительное противостояние Севастополя превосходящим силам Турции, Франции, Британии и Сардинии в огромной степени стало возможным благодаря Черноморскому флоту: его судам, запасам и, особенно, личному составу.

Годы спустя главнокомандующий французскими войсками в Крыму в 1854–1855 гг. маршал Франции Франсуа Канробер на вопрос о неприятеле отвечал: «Чтобы понять, что такое были наши противники, вспомните о шестнадцати тысячах моряков, которые плача уничтожали свои суда с целью загородить проход (на рейд) и которые заперлись в казематах бастионов со своими пушками, под командой своих адмиралов Корнилова, Нахимова, Истомина! К концу осады от них осталось восемьсот человек, а остальные и все три адмирала погибли у своих пушек...»[1].

«Пока всеобщая молва не стала говорить о защитниках Севастополя как о героях, никто из них не думал, чтобы стоя на бастионах, он делал что-нибудь особенное или чтобы служить можно было бы иначе; а в России никто не знал, что Черноморский флот представляет едва ли не лучший, организованный в одно целое и одушевленный истинным военным духом корпус офицеров и солдат. Такой дух составлял нравственную силу обороны...», – вспоминал через 15 лет после окончания защиты Севастополя ее участник контр-адмирал В. А. Стеценко.[2]

18 апреля 1855 г. лейтенант Петр Лесли написал из Севастополя родным в Смоленскую губернию: «...Бывали дни, что на некоторых бастионах прислуга менялась несколько раз, но не от усталости, а оттого, что перебивало всех. Кажется, скоро начнут уже хулить нас, черноморцев, и будут говорить, что худо делаем и худо деремся, тогда как у нас три четверти офицеров и матросов уже выбыло из строя, и в запасе уже никого нет. Это всегда так бывает, сперва хвалят, а потом перестают, да, кроме того, стараются отыскать дурные стороны. Ну да Бог с ними! Мы чисты перед собой...».[3] Со времени становления Российской армии и флота в основе идеологии и морали русского офицера всегда лежало выполнение воинского долга перед Отечеством. Этот долг офицерский корпус честно исполнял во всех войнах, и офицерство в России заслуженно считалось самым патриотичным слоем общества. Патриотизм в России был всегда неразрывно связан с преданностью престолу и вере предков. Он являлся основой офицерской психологии, и триединая формула «За Веру, Царя и Отечество» «вела» офицера на протяжении всей его жизни. Офицер воспитывался в представлениях о бескорыстии, благородстве и почетности своей миссии, в осознании своей высокой роли в жизни государства.[4] Особо подчеркивалось, что «офицерское сословие есть благороднейшее в свете, так как его члены не должны стремиться ни к выгоде, ни к приобретению богатства или других земных благ, но должны оставаться верны своему высокому, святому призванию, руководясь во всем требованиями истинной чести и сосредоточивая все мысли и чувства на самоотверженной преданности своим высшим военачальникам и отечеству».[5]

Ратным людям, говорилось в первом русском воинском уставе, «лучше честно умереть, нежели с бесчестьем жить».

В 1854–1855 гг. под стенами Севастополя российское офицерство в очередной раз исполнило свой долг, потеряв убитыми, умершими от ран и болезней более тысячи человек...

Особенно большие потери (в процентном соотношении) понес Черноморский флот. С самого начала обороны города моряки считали защиту Севастополя долгом чести, который был для них важнее собственной жизни. В 1854–1855 гг. с оборонительных стен главной базы Черноморского флота, под грохот разрывов снарядов и свист пуль постепенно «сошли в могилу» 16000 чинов Морского ведомства. В числе убитых и умерших от ран – 3 адмирала и 135 офицеров... Еще 3 адмирала и 730 офицеров были контужены и ранены. И это из 1500 офицеров, числившихся к началу 1854 г. во всем Черноморском флоте.

Таких потерь Российский флот еще не знал – во всех предшествовавших вооруженных конфликтах с участием России с 1770 г. по 1853 г. погибли 35 строевых флотских офицеров и 3 адмирала Императорского флота.[6]

«Скажите всем, как приятно умирать, когда совесть спокойна... Благослови, господи, Россию и Государя, спаси Севастополь и флот».[7] Эти последние слова умершего от раны 5 октября 1854 г. вице-адмирала В. А. Корнилова – слова гражданина, до конца выпол-

нившего долг перед своим Отечеством.

19 октября 1854 г. М. Ф. Рейнеке написал в Севастополь своему другу старшему флагману Черноморского флота вице-адмиралу П. С. Нахимову: «...Вести из Севастополя сильно беспокоят меня – не столько опасным положением города, которое при помощи божьей может поправиться, сколько твоя отчаянная отвага. Слышу, что ты разъезжаешь на коне по всей оборонительной линии, и единственно тобою поддерживается порядок и дух войск, не только матросов, но и солдат. С твоим именем и при твоих понятиях об обязанностях начальника иначе и быть не может. Но для чего без нужды пускаться в самые опасные места и подвергать себя убийственному огню?..

Ради Бога, мой добрый друг, береги себя для общей пользы! Только ты еще можешь поправить или хоть поддержать дела Севастополя. Да, если взглянешь на это как христианин, то не малодушие [ли] бояться пережить или быть свидетелем падения города, хотя оно, конечно, и весьма скорбное унижение для Отчизны, не похоже ли это на самоубийство, не грех ли это?..».[8] «...Адмирал (Нахимов) вселял убеждение, что жертвовать собой для исполнения долга – дело самое простое, обыденное...» – вспоминал впоследствии один из участников обороны.[9]

«Падение Малахова кургана Истомин не пережил бы, и если бы судьба поставила его в такое безвыходное положение, что кургану надлежало бы погибнуть, доставшись в руки врагу, Истомин взорвался бы, также как если пришлось бы упасть флагу с горделивой мачты его драгоценного «Парижа», – отмечал в своих записках из Севастополя П. В. Алабин.

«Чувство долга, жажды славы отечеству доходило в Истомине до экстаза, – продолжал Алабин. – Это чувство выработало в нем совершенное, полное равнодушие к смерти. В последнее время на удивление многих его необыкновенной отваге и презрению смерти он часто повторял: «Удивляюсь, право, вашему удивлению; я и так незаконно живу на свете – мне бы следовало погибнуть в первую бомбардировку; следовательно, смело могу играть тем, чем пользуюсь и без того более срока». ... Неужели в его сердце не осталось жажды жизни? Он не высказывал ведь презрение к ней, он любил ее, любил, быть может, больше других; но дело, за которое он ратовал, любил еще больше, и хотя в его душе и была еще надежда на возможность продолжения жизни, но он выражал ежеминутную готовность расстаться с нею, исполняя... другую нравственную службу Отечеству...».[10]

«До какой степени самоотвержения и отрешения от всего мирского, для святого служения отечеству может дойти русский человек, то доказал капитан 1 ранга Ник[олай] Фед[орович] Юрковский, по смерти капитана Истомина заступившего его место начальника 4-го отделения оборонительной линии. Юрковский знал и говорил, что защитникам Севастополя нет другого исхода, как могила или тяжкое увечье, и когда ему сообщили, что жена его, выдержавшая в беременном состоянии первые дни бомбардирования в опасном положении, и притом, заболев сильною холерой, находится при смерти и просит его приехать в Симферополь, хотя на один день, он отказал ей в этом, ответив: «Ни на минуту не могу оставить своего поста». Герой пал на нем, уже более не видав ни жены, ни семерых своих детей!».[11]

Известны десятки случаев, когда морские офицеры, не долечившись в госпиталях и не «догуляв» отпусков по ранению, возвращались в Севастополь, к своим товарищам и к своим орудиям. Некоторые из моряков подавали рапорты о переводе их из Балтийского флота в Черноморский, другие – из Николаева или Керчи в Севастополь. Третьи просились с Северной стороны города на передовые батареи Южной стороны. Нередко – на встречу гибели.

Из письма капитан-лейтенанта М. Л. Серебрякова отцу, начальнику Черноморской береговой линии вице-адмиралу Л. М. Серебрякову от 11 ноября 1854 г.: «...Товарищи наши под неприятельскими ядрами и бомбами погибают тысячами; тяжело и грустно читать обо всех ужасах, претерпеваемых нашими с мужеством, и сидеть, ничего не делая в настоящее время в Керчи... Какой бы ни был исход наших дел, все то же неприятное чувство, вроде угрызания совести, будет тяготить меня всю жизнь. Ежели Бог поможет нашим одолеть врага, то совестно будет сознаться, что не участвовал в деле славном и общем всему флоту; ежели по трупам наших молодцов неприятелю удастся овладеть Сева-

стоподем, то в таком случае я себе никогда не прощу, что я в то время сидел в Керчи без всякого дела. Прошу вас, добрейший Батюшка, разрешить мне сдать пароход кому-нибудь, а самому отправиться в Севастополь.

Вы, вероятно, будете опровергать мое желание, говоря, что надобно быть там, где пришлось быть по службе и многие другие, очень уважительные поводы; но неужели вам самим не будет прискорбно, что ни один из ваших сыновей не был участником в столь славном деле.

...Ежели вы будете полагать, что я решился на это из честолюбия, чтобы получить какой-нибудь крест или чин, то вы, любезный Батюшка, ошибаетесь; я только желаю быть участником этого дела и разделять участь моих товарищей; а потому умоляю вас, Батюшка, не отказать мне».[12] Марк Серебряков добился перевода в Севастополь, где и погиб в марте 1855 г. Через месяц после этого в Севастополь прибыл брат Марка капитан-лейтенант Егор Серебряков.

«Мы все, находящиеся на 4 бастионе, буквально не спим целые ночи, ежели днем и позволяем себе заснуть, то, одевшись, в сапогах, и не более как часа на три потому, что неприятель от нас в нескольких саженях, – писал из Севастополя брату 10 апреля 1855 г. капитан 2-го ранга Н. Н. Липкин. – Все его предприятия против нашего бастиона не имеют успеха. Мы сторожим Севастополь как цепная собака своего хозяина, и, несмотря на вторичную усиленную бомбардировку, продолжающуюся сегодня четырнадцатый день, мы отстаиваем город как Русские, знающие свой долг Царю и Отечеству. Правда, что и в эту бомбардировку многие из наших моряков пали, но смерть за отечество есть награда каждого христианина.

Завтра будет шесть месяцев с тех пор, как я ранен. Левою рукою кое-как владею, и могу еще подписать свою фамилию; правая же все в прежнем состоянии, и кажется, что нет надежды, чтоб она когда-нибудь действовала. В добавок к этому, 3-го апреля я еще контужен в голову, но остался на бастионе, хотя и ныне чувствую сильную головную боль и вижу не ясно, что заставило меня одеть очки; но исполню свой долг, и с бастиона не уйду до тех пор, пока не понесут на носилках. Вот, любезный брат, чувства каждого из нас, обороняющих город».[13]

Нам удалось найти только один некролог на погибшего офицера Черноморского флота, опубликованный в газете еще в течение обороны Севастополя. Эта небольшая статья в «Одесском вестнике» посвящена памяти лейтенанта В. В. Богдановича, семья которого жила в Николаеве. Написал ее друг погибшего, лейтенант А. К. Комстадиус (в сентябре 1855 г. он умер от ран в Симферопольском госпитале).

«Богданович Виктор, в 18 лет окончил юнкерскую школу в г. Николаеве в мае 1853 г. и произведен в мичманы, за Синоп произведен в лейтенанты. С 5 октября 1854 по 21 марта 1855 г., т. е. почти 6 месяцев, не отходил от орудий, просился на батареи в самые опасные пункты, несколько раз рвался в вылазки, в чем, принимая в расчет его молодость, начальство ему отказывало. Богданович первое время служил на батарее капитана 2 р. Стройникова, который говорил о нем: «Я никогда не видел, чтоб он изменился под самым сильным неприятельским огнем; он всегда, с самым покойным духом, что-нибудь напевал...

Удостоившись награды Анны 3 ст. с бантом, он за отличие назначен был в [лице]-адм. [иралом] Новосильским в отдельные начальники 6-орудийной бомбической батареи на 4-м бастионе.

Затем он попросился на передовые редуты несмотря на то, что новая батарея была меньше по числу орудий и калибру. 21 марта, отвечая на выстрелы неприятельских батарей, он радовался искусству и меткости своих комендоров и приподнял голову выше бруствера, чтобы посмотреть за направлением ядра, едва успел произнести: «Молодец, прекрасно!», как упал, пораженный штуцерной пулей в правую щеку, без слов, без выдоха. Капитан-лейтенант Шестаков, под командой которого на этих редутах он находился, говорит, что, подойдя к нему в первый момент смерти, он увидел на лице павшего детскую улыбку. И монах, совершавший его похороны, сказал: «Многих я хоронил, но вид этого ребенка заставил меня от души заплакать».[14]

«...По возвращении в Севастополь, я нашел в нем ту же бурную и грустно тягостную жизнь...», – сообщал 22 апреля 1855 г. в С.-Петербург чиновник Морского министерства

по особым поручениям Б. П. Мансуров. «К несчастью, несравненные наши моряки, стоя, как прежде и как всегда, в первых рядах, постепенно и постоянно убывают, так что через несколько недель такого же бедствия их останется малая горсть, горсть героев, покрытый славою остаток исключительно морского гарнизона, решившего умереть на стенах Севастополя тогда еще, когда они на помощь не рассчитывали...

Как ни велика храбрость, покрывшая уже черноморских моряков вечною славою, нельзя не упомянуть, что почти выше этой доблести должна быть поставлена та почти мученическая жизнь, к которой все служащие на бастионах осуждены уже более 8 месяцев... Нравственные мучения и физические лишения, которые наши моряки столь страшно долго переносят, превышают все то, что можно себе вообразить, если не видеть этого поближе» [15].

Сведения о потерях морских чинов в Севастополе поступали в форме строевых рапортов из экипажей и команд Черноморского флота в Инспекторский департамент Морского министерства. Рапорты служили основанием для исключения погибших из списочного состава Российского флота Высочайшими приказами по Морскому ведомству. Много сведений об обстоятельствах смерти флотских офицеров в Севастополе содержат сообщения командированных в осажденный город чиновников Морского министерства А. Д. Крылова и Б. П. Мансурова. Их отчеты регулярно публиковал журнал «Морской сборник».

Абсолютное большинство убитых, умерших от ран и болезней моряков было похоронено на Михайловском кладбище на Северной стороне Севастополя, ныне, увы, уже несуществующем. Оно было варварски уничтожено решением Севастопольского горсовета в сер. 80-х гг. прошлого века. Я с ужасом вспоминаю, как в бортах котлованов строившейся школы и жилого дома, как соты, торчали гробы с останками тех, кто пал во славу Отечества, Черноморского флота и Севастополя. Тех, кто до конца выполнил долг воина-защитника и христианина.

Первый поименный список офицеров Черноморского флота, погибших при обороне Севастополя 1854–1855 гг. был опубликован в «Справочной книжке Морского ведомства на 1856 г.». В списке значились фамилии 3 адмиралов, 15 штаб- и 83 обер-офицеров.[16] К 1888 г. синодик увеличился на 34 фамилии. Все они были увековечены занесением на мраморные мемориальные доски в Морских и Военных храмах С.-Петербурга, Кронштадта и Севастополя.

В 1903–1907 гг. участник обороны военный инженер-генерал П. Ф. Рерберг издал три тома альбома «Севастопольцы», в которых опубликовал среди прочих фоторепродукции с литографий, фотографий и рисунков портреты 12 адмиралов и офицеров Черноморского флота, павших в Крыму в 1854–1855 гг., с их краткими биографиями. И на сегодняшний день это наиболее полное собрание иконографии по данной теме.

Из научных работ, содержащих сведения о погибших в Севастополе морских офицерах, отметим, прежде всего «Общий морской список» в 13 частях, изданный в С.-Петербурге в 1885–1903 гг. по распоряжению Морского ведомства. В нем, разрозненно, в нескольких томах помещены сведения о прохождении службы 80 строевыми офицерами, погибшими в Севастополе в 1854–1855 гг. Однако указанная работа отличается излишней лаконичностью, а в некоторых случаях грешит и неточностями.

До сих пор биографии абсолютного большинства погибших в Крыму морских офицеров и адмиралов Российского флота остаются малоизученными, да и вообще, история участия офицерского корпуса Черноморского флота в обороне Севастополя 1854–1855 гг. все еще ждет своего исследователя. Но на вопрос: «Что заставляло русских и малороссов, греков и армян, финнов и немцев, шведов и поляков, единенных именем «офицер Черноморского флота» стоять насмерть в Севастополе?» ответ дать можно сейчас – то были граждане России, для которых слова Отечество, Присяга, Долг и Честь значили больше, чем Жизнь.

«Мертвые сраму не имут...» – написал много веков назад русский летописец о воинах, павших при защите родной земли. И не было разницы – в каком сражении они погибли: победном или проигранном – потому как отдали Отечеству самое ценное из того, что имели – свои жизни. Подвиги их бессмертны и жизнь их вечна, как и память о них...

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Тарле Е. В. Крымская война. В 2-х т. М., 1950. Т. 2. С. 255, 256.
2. Сборник рукописей, представленных Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу о Севастопольской обороне Севастопольцами. В 3-х т. СПб., 1872. Т. II. С. 266, 267.
3. Сборник рукописей, представленных... Т. I. С. 363.
4. Волков С. В. Русский офицерский корпус. М., 1993. С. 286.
5. Наставление к самодисциплине и самовоспитанию. Собрание писем старого офицера к своему сыну // Сост. С. К. Вып. 1. М., 1900. С. 11.
6. Коргуев Н. Обзор преобразований Морского кадетского корпуса с 1852 г. С приложением списка выпускных воспитанников. 1753–1896. СПб., 1897. С. 61–65.
7. Вице-адмирал Корнилов. М., 1947. С. 291.
8. П. С. Нахимов. Документы и материалы. М., 1954. С. 428, 429.
9. Там же. С. 624.
10. Алабин П. В. Четыре войны. Походные записки 1849, 1853, 1854–1856 и 1877–78 гг. М., 1892. Ч. III. С. 279–281.
11. Морской сборник. 1856. № 6. Отд. III. С. 95.
12. Морской сборник. 1856. № 9. Отд. IV. С. 84, 85.
13. Морской сборник. 1857. № 2. Отд. IV. С. 370, 371.
14. Одесский вестник. 1855. № 48 от 28 апр.
15. П. С. Нахимов. Документы и материалы. М., 1954. С. 515.
16. Памятная книжка Морского ведомства на 1856 г. Издается под наблюдением директора Инспекторского департамента. Исправлено по 18 февраля 1856 г. СПб., 1856. С. 322, 323.